

не имеющих с нашей точки зрения вовсе залога (при существительных и прилагательных)» [4, с. 173], — и, следовательно, не мог первоначально зависеть ни от залога, ни от глагола вообще. На примере древнеиндийских форм типа *gata-* «идущий, шедший; тот, по которому, к которому идут» Попов продемонстрировал, что залоговая оппозиция актив / пассив имеет относительно позднее происхождение [4, с. 175—178]. Вместе с тем наличие в индоевропейских языках страдательных конструкций, в которых номинатив корреспондирует не с винительным, а с иными косвенными падежами (например, в греческом *ἄρχω τίς* (генитив) «управляю кем-л.» — но *ἄρχομαι* «управляюсь») или даже предложно-падежными формами (ср. др.-рус. *нѣществованы соу(ѣ) поустья ты страны* (ГА, 49) при отсутствии в письменных памятниках сочетаний типа **иѣствовати страны*), побуждает реконструировать такое языковое состояние, когда пассивные обороты образовывались не только от форм с винительным прямого объекта в современном понимании, но и от конструкций с «объектами в широком смысле», первоначально выражавшимися винительными независимыми, а впоследствии — другими падежами [4, с. 179—180].

Иначе говоря, по мнению Попова — согласующемуся с современными представлениями (ср. [13, с. 338, 390; 15, с. 111]) — образование страдательных форм происходило в тот период, когда винительный еще не специализировался в функции прямого объекта и собственно транзитивность как особая семантико-синтаксическая категория не вышла за рамки чисто семантического противопоставления переходных / непереходных (или, точнее, объектных / безобъектных) глаголов. Поскольку в период, о котором идет речь, винительный выполнял функции падежа объекта в широком смысле, а таких объектов в предложении могло быть несколько, при трансформации одного из них в номинатив прочие объекты оставались без изменений — в результате возникали конструкции с аккузативом при пассиве типа лат. *rogatus sum sententiam*.

Установив, что, во-первых, далеко не всякий номинатив страдательной конструкции соответствует прямообъектному винительному и что, во-вторых, прямообъектный аккузатив даже в исторические эпохи может сочетаться не только с действительным, но и со страдательным глаголом, Попов подчеркивает: «Только за этими оговорками справедливо то положение, что при перемене действительного оборота в страдательный винительный объекта делается подлежащим страдательного оборота» [4, с. 181]. Данное традиционное положение не носит универсального характера и имеет значение лишь для синхронной, описательной грамматики как «единственный критерий для разграничения переходных и непереходных оборотов» [4, с. 181]. Таким образом, процитированное Фортунатовым определение винительных объекта, релевантное в первую очередь для *современного русского языка*, несколько не противоречит фактам *истории индоевропейских языков*, отражающих корреляцию независимого аккузатива и пассивного номинатива; предшествующие этому определению замечания Попова как раз указывают на его недостаточность для ранних этапов индоевропейской языковой эволюции. Трансформационный критерий для определения прямообъектного аккузатива был введен в науку еще до Попова (см., например, [18]) — но именно Попов показал его историческую ограниченность.

Переходя к непосредственному анализу «Синтаксических исследований», рецензент отметил, что «существенные недостатки данной работы видны уже из краткого изложения ее содержания [5, с. 96]. Первым из этих общих недостатков является, по мнению Ф. Ф. Фортунатова, методологическая основа исследования. Констатируя, что современное состояние науки поставило «крайним пределом для точного знания» эпоху распада общиндоевропейского языка, рецензент весьма скептически отнесся к попыткам заглянуть в более древние эпохи развития и в качестве единственно возможного метода для подобных изысканий указал проведение аналогии с известными явлениями исторического периода. Фортунатов упрекает